

СООБЩЕНИЕ

В. А. Парсамян

Крестьянское движение в Шулаверах
в 1852 г.

Борьба армянского крестьянства за свободу и землю против гнета помещиков-землевладельцев имеет вековую историю. Как повсюду, так и в Армении трудовое крестьянство на протяжении веков жестоко эксплуатировалось и подвергалось насилию и притеснениям.

«Вся история помещичьего землевладения и хозяйства в России, все данные о теперешнем помещичьем хозяйстве показывают,—пишет В. И. Ленин,—что помещичье «руководство» означало и означает безмерные насилия над крестьянами, бесконечное надругательство над личностью крестьян и крестьянок, означает самую бессовестную, бесстыдную, нигде в мире невиданную эксплуатацию (по-русски это значит: ограбление) крестьянского труда»¹.

Известно, что царское правительство в 40—50 годах XIX века своими административными и земельными законами всячески стремилось упрочить права «высшего сословия» Закавказья, являвшегося его социальной опорой. По закону от 6 декабря 1846 г. ханы, беки, агалары и мелики были признаны наследственными собственниками земли. Этот закон предоставлял им право наследовать, дарить и продавать землю.

Указами от 20 апреля и 28 декабря 1847 г. и 8 июня 1851 г., согласными с духом закона от 6-го декабря, определены взаимоотношения помещиков и крестьян.

Все вышеуказанные законы выражали классовые интересы царского правительства, помещиков и землевладельцев Закавказья и укрепляли зависимое—крепостное и полукрепостное—положение крестьян. И не случайно, что помещики приняли эти законы с большим удовлетворением, а крестьяне, наоборот, оказали им сильное сопротивление и поднялись на борьбу как против царского правительства, так и против местных помещиков-землевладельцев. В этот период крестьянское движение в Закавказье получило более широкий размах и вступило в новый этап своего развития.

Выступление шулаверских крестьян 1852 года является одной из ярких страниц истории классовой борьбы армянского крестьянства.

Армянское село Большие Шулаверы (ныне Шаумян)—одно из крупных сел бывшего Борчалинского участка, Тифлисского уезда. Жители Шулавер занимались хлебопашеством, садоводством, ремеслами и торговлей. Они считались государственными крестьянами и налоги платили казне.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 12, стр. 235.

После восстановления помещичьих прав ханов, беков и агаларов наместник Кавказа князь М. С. Воронцов и начальник гражданского управления генерал-лейтенант Ладинский, пойдя навстречу шулаверским меликам—Калантарову и Саркисову, находят необходимым, на основе указа от 8 июня 1851 года, распространить помещичьи права, данные агаларам, и на них. Обсудив заявления шулаверских меликов, Совет Закавказского Гражданского Управления, несмотря на ряд возражений, большинством голосов выносит решение «отдать меликам все земли, заселенные армянами, на правах агаларских». После утверждения этого решения царем, кн. Воронцов отправляет в Шулаверы комиссию под председательством д. с. с. Ф. Е. Коцебу «для введения во владение землями высочайше дарованных тамошним меликам, сравненных с правами агалар».

6 марта 1852 года комиссия приезжает из Тифлиса в Шулаверы. Узнав о «высочайшем указе», огромная толпа крестьян—мужчин, женщин, стариков и молодых, собравшись во дворе дома, где остановился председатель комиссии, решительно заявляют, что они «меликам повиноваться не будут и права шулаверских помещиков на их землю не признают». Председатель комиссии предлагает успокоиться и дать прочесть «Высочайший указ». Однако восставшие крестьяне не успокаиваются: они нападают на меликов Калантарова и Саркисова, забрасывают их камнями, но меликам удается спастись от крестьянского самосуда.

Чтобы успокоить возмущенных крестьян, один из членов комиссии, хорошо знавший шулаверцев и борчалинцев—Лука Степанович Исарлов—прибегает к хитрости и коварству. Он вызывает к себе меликов Калантарова и Саркисова и начинает во всеуслышание выговаривать их, говоря, что «ваши требования несправедливы, крестьянам я верю больше, чем вам». И когда собравшиеся крестьяне, особенно женщины, возмущенно крикнули: «неужели нас хотят сделать «чурт» (крепостными)», Исарлов на армянском языке громогласно объявил: «Не верьте никому... никто не смеет делать вас помещичьими крестьянами; лгут ваши мелики; вот я их отделаю, чтобы они не смели распространять между вами такие глупости». Исарлов одновременно тайно посылает своего человека в Борчалу с поручением срочно вызвать в Шулаверы для успокоения крестьян ряд влиятельных агаларов, в том числе и известного Дештамур-агу.

Несмотря на все меры, принятые членами комиссии и местными властями, восставшие крестьяне продолжают сопротивляться, а на следующий день, чуть свет, около 300 мужчин и женщин отправляются в Тифлис жаловаться наместнику.

По поручению председателя комиссии Коцебу, Л. Исарлов и участковый заседатель Вакуловский пытаются убедить крестьян, что не следует ехать в Тифлис такой массой, лучше отправить несколько человек поверенных. Но, как пишет сам Исарлов, «никакие убеждения и внушения без строгих мер и воинской команды не могли остановить шулаверцев».

Будучи бессильным возвратить крестьян с дороги, Коцебу отправляет в Тифлис, кратчайшим путем через Коджоры, своего нарочного с тем, чтобы губернатор не разрешил шулаверцам войти в город. По распоряжению

губернатора полиция пытается остановить шулаверцев, но тщетно: «все усилия,—как пишет в своем секретном донесении Щербачев,—городской и земской полиции к воспрепятствованию тому были тщетны. Толпы мужчин и женщин до 300 душ силой вошли в Тифлис и явились часов в 10 утра 10-го марта¹ перед домом князя наместника».

Л. Исарлов в своих воспоминаниях, искажая факты, представляет дело таким образом, что якобы приход шулаверцев в Тифлис не сопровождался никакими осложнениями. В действительности, дело обстояло иначе. Шулаверцы в Тифлисе упорно защищают свои права, сопротивляясь полиции и войсковым частям. О событиях, имевших место в Тифлисе, более достоверные сведения мы находим в секретной докладной записке (см. док. № 2) штаб-офицера 6 округа жандармского управления А. П. Щербачева.

«Тифлисский военный губернатор князь Андроников,—пишет Щербачев, видя, что все убеждения его напрасны и с одной полицией ничего не сделает, потребовал с главной гауптвахты солдат, приказав им прикладами бить и гнать пришельцев, что и было исполнено; 4-х же главных виновников арестовали»².

События, происшедшие в центре города, перед дворцом наместника, в которых участвовали не только шулаверцы, но и многие из тифлисских жителей, были знаменательными событиями и не могли не поколебать веру в царское правительство.

Следует отметить, что в борьбе шулаверских крестьян заметное участие приняли и женщины, впервые явившие пример высокой общественной активности в крестьянском движении.

Борьба шулаверских крестьян против меликов Калантаровых и Саркисовых не прошла безрезультатно.

Князь Воронцов, который вместе с Ладинским всячески отстаивал права помещиков и землевладельцев Закавказья, был вынужден отказаться от своих распоряжений, пойти на уступки восставшим крестьянам и прибегнуть к компромиссу. Касаясь этих событий, кн. Воронцов в своем отчетном докладе на имя царя, представленном в 1852 году, пишет: «Что же касается до земель, отобранных у меликов из Армян бывших татарских дистанций Грузии, то Высочайше утвержденным В. И. В. положением Кавказского Комитета 8-го июня 1851 года, мне предоставлено поступать с оными на том самом основании, как поступлено с имениями, отобранными у агаларов.

Приведение этого в исполнение встретило здесь некоторые затруднения, особливо Борчалинского участка, в сел. Большая Шулаверцы. Нужно было войти в подробное рассмотрение дела относительно этой местности и установить то, что признано возможным и полезным как для самих жителей этого богатого и прекрасного селения, так и для меликов»³.

¹ У. Исарлова, 12-го марта (см. док. № 5).

² По документу № 4,—арестованных 8 чел.

³ Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею, т. X, стр. 88С.

Кавказский Комитет в С.-Петербурге, не желая «дать повод к новым беспорядкам», предлагает комиссии обратить особое внимание на различие между армянами и татарами и механически не распространять распоряжений, относящихся к агаларам, на меликов. После всего этого, по поручению Воронцова, Исарлов добивается заключения соглашения между шулаверскими меликами и крестьянами. По этому соглашению мелики отказываются от крестьянских садов и угодий и некоторой части хлебопахотных полей. «Таким образом,—пишет Л. С. Исарлов,—волнение Шулаверских жителей, чуть было не доведшее их до несчастий, кончилось тогда миролюбно, спокойно, но впоследствии это соглашение, как рассказывали, расстроилось...».

Предлагаю вниманию читателя нижеследующие документы о крестьянском движении в Шулаверах, из коих №№ 1, 2, 3, 4 обнаружены нами в Московском Центральном Государственном Историческом Архиве и публикуются впервые, а № 5, хранящийся в архивах поэта Ов. Туманяна, любезно передан нам дочерью поэта Нвард Туманян, опубликовавшей в 1931 году армянский перевод этого документа в шестой книге журнала «Нор уги» (Новый путь).

Мы надеемся, что нам удастся выявить и остальные документы, касающиеся движения шулаверских крестьян и дать более полную картину одного из знаменательных эпизодов классовой борьбы армянских крестьян.

Документ № 1

Кавказский Комитет
в С. Петербурге
11-го мая 1852 г.
№ 911

Его превосходительству
Л. В. Дубельту
*Милостивый Государь,
Леонтий Васильевич.*

Возвращая при сем к Вашему Превосходительству, доставленные Вами г-ну председателю Кавказского Комитета две записки полковника Щербачева: одну о событии, случившемся в армянском селе Шулаверы, по случаю наделения меликов пожалованными им землями, а другую о недостаточном возделывании хлебопашества в окрестностях Ейска, я, по поручению его светлости, князя Александра Ивановича, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что по изложенным в этих записках обстоятельствам требуются сведения от г. наместника Кавказского для всеподданнейшего доклада государю императору. По получении сих сведений я о содержании их не премину, в свое время, сообщить вашему превосходительству.

Примите, ваше превосходительство, уверение в моем совершенном почтении и преданности.

В. Бутков.

Документ № 2

Секретно.

Докладная записка.

Комиссия, составленная из нескольких членов под председательством действительного статского советника Коцебу, для наделения агаларов землями высочайше им дарованными, отправилась марта 6-го числа сего года из Тифлиса в Борчалинский участок в армянское селение Шулаверы, для введения во владение землями высочайше дарованных тамошним меликам, сравненных с правами агалар!

На другой день по прибытии всех членов в с. Шулаверы, жители оного собрались во двор председателя комиссии и объявили решительно, что они меликам повиноваться не будут и их завладетелей земель Шулаверских не признают, на все убеждения гг. членов слышались из толпы: крики, ругательства и угрозы! Наконец председатель потребовал общего молчания, для выслушания высочайшего указа! Мущины смолкли, но женщины ругались, а мальчики грозились кулаками.

По окончании чтения Указа, объявили Армяне, что они идут в Тифлис к наместнику, с просьбой, об изменении сих распоряжений. Если же его сиятельство не внемлет им, то к царю пойдут!

Им предложено было послать депутатов в Тифлис, но они не согласились, изъявив желание идти на другой день всем обществом.

Между тем, как только начали они расходиться с двора председателя комиссии, то ударили набат в колокола и все ринулись к церквям, священники войдя с народом в храмы Божьи, начали с коленопреклонением предавать проклятию, объявивших им сей высочайший указ и приводящих оный в исполнение!¹

Мелики бывшие также у председателя комиссии и решившиеся к концу дня идти по домам своим, были встречены и сопровождаемы по улицам ругательствами, камнями и грязью, так что едва спаслись бегством!

Господин Главнокомандующий предуведомленный действительным статским советником Коцебу, о следовании жителей с. Шулаверы в Тифлис, к его сиятельству с просьбой изволил приказать губернатору возвратить их назад не впуская в город, но все усилия градской и земской полиции к воспрепятствованию тому, были тщетны! Толпы мужчин и женщин до 300 душ, силой вошли в Тифлис, и явились часов в 10 утра 10 марта, пред домом князя наместника, они не были никем выслушаны, а приказано было их гнать; Тифлисский военный губернатор князь Андроников, видя что все убеждения его напрасны и с одной полицией ничего не сделает, потребовал с главной гаубтвахты солдат, приказал им прикладами бить и гнать пришельцев, что и было исполнено, 4-х же главных виновников арестовали (но впоследствии они выпущены) и этот поступок прощен им всем его светлостью!

В Борчалинском участке между татарскими деревнями, кроме с. Шу-

¹ Трех священников, дозволивших себе сделать подобный поступок, патриарх Армянской вызвал их тотчас из сел. Шулаверы в Тифлис, лишил права священнодействовать, наложив на них эпитимью!

лаверы, — самого многочисленного местечка и торгового, есть еще несколько деревень населенных армянами, разновремененно и из разных стран пришедших туда в Правление царей грузинских, над ними имели надзор полицейский и заведывали деревнями по поручению царей, избранные старшины, из лучших фамилий армянских меликов, жалованные в сие звание царями грузинскими по заслугам, а чаще за деньги, в которых правители Грузии постоянно нуждались.

В таком положении дел, оставались армяне и позднее время, при поступлении всего края в подданство России!

Мелики известных фамилий наравне с некоторыми избранными фамилиями агаларов, получили право дворянства и управляли армянскими деревнями, коих жители обязаны были отбывать им разные повинности и обрабатывать их земли, точно на тех же правах заведывали и татарскими деревнями некоторые агалары назначаемые из почетных людей старейших фамилий, находясь под непосредственным распоряжением военных окружных начальников.

При введении за Кавказом общего гражданского управления членом государственного совета господином бароном Ганом, с разделением края на губернию и область, с назначением уездных и участковых начальников, нашел барон Ган, излишним иметь в селениях старшин из агаларов и меликов, по его представлению они были удалены от своих званий, лишены нукеров и рабочих людей, крестьянам же вменено только в обязанность вносить известную сумму, в Казенную Палату, за правовладение землями, агаларам же и меликам положено в вознаграждение жалование, которым были они весьма недовольны и неотступно отыскивали своих прежних прав, в чем им было неоднократно отказываемо.

По прибытии князя Воронцова наместником на Кавказе, дело это возобновилось и было его сиятельством поручено с полным доверием, на рассмотрение начальнику гражданского Управления генерал-лейтенанту Ладинскому, прослужившему десятки лет за Кавказом и вероятно знавшему так хорошо край, местные обычаи и права владений агаларов!

Генерал Ладинский мнением своим положил отдать все татарские земли без исключения, в полное владение агаларам, обязав поселян платить первым за пахатную и сенокосную землю 10-ю часть из доходов своих, снабжать подводами, нукерами и работать на них 10-ть дней в году всем селением! Зато из числа платимых жителями в казну податей, сложить по 4 рубля сереб. с дыму; хотя и были против подобного решения, возражения графа Киселева, по ходатайству наместника, высочайше утверждено мнение генерала Ладинского и приведено в исполнение в 1848-м!

В сущности же оказывается ныне, что подобное распоряжение, вопиющая несправедливость! никогда агалары не заслуживали и ничем не заслужили таких щедрых милостей и наград!

Но почему генерал Ладинский так ревностно действовал в пользу агаларов? Это покрыто неизвестностью. Разным же толкам о том, дать веры нельзя!

В настоящее время вот какого рода последствия:

Татары имея ввиду право переселения, перешли частью в Карабах на казенные земли¹; другие же в деревни грузинских князей, которых хотя они и не навидят, но на выгоднейших кондициях поселились у них; в особенности многих переманили к себе Елизаветпольской Участковой начальник полковник князь Машука Орбельян и князь Яссы Андроников.

Некоторые из татар, не желая удалиться от своей оседлости, переселяются от одного агалара к другому, более добросовестным.

Наконец многие из жителей, сколько известно частным образом, ушли и уходят в Персию и Турцию.

Но вообще лучшие и богатейшие хозяева совершенно удалились из мест своих прежних жительств, остались там только люди бедного состояния, не занимающиеся хлебопашеством, а потому, не приносящие ни какой существенной пользы агаларам промысл их есть скотоводство, стада же им принадлежащие пасутся на выгонных местах без платы, согласно положению!

Итак вот результат! агалары вопиют, что обнищали и им есть нечего,—владея прекрасными землями но нет рабочих рук!

Притесненный народ оставляя свою оседлость, несет значительные убытки при переселении на новые места и худшие земли, покинув богатые пажити и луга.

Правительство же в явной потере во всех отношениях, лишаясь сверх того жителей тайно уходящих в Персию и Турцию.

Кто же теперь в выигрыше? и кто из числа довольных?

Разве только одни князья Грузии: Машука Орбельян и Яссе Андроников², которые конечно своими происками в продолжении нескольких лет успеют приписать переселившихся на их земли татар, в число крепостных людей своих!...

В настоящее время агалары просят князя наместника войти в их страдательное положение и удержать татар от переселения с земель им дарованных; предлагают между прочим, укрепить жителей к их земле, т. е. значит повидимому сделать вольных татар крепостными?—недолжно желать, что это предложение сбылось на деле, тогда неизбежно восстание народное в мусульманских провинциях и побег за границу!

Неизвестно, что предпримет князь наместник, но его светлости угодно чемнибудь ограничить переселение жителей с земель агаларских.

Комиссия о наделении агаларов землями, получила в 1850 году предложение князя наместника рассмотреть и сравнить права меликов с агаларами и предоставить ли им право владения землями населенными армянами?

Члены Комиссии единогласно нашли несправедливым отдать во владение меликам земли населенные армянами, имея в виду их вековую оседлость, при оном отлично разведенные сады, мельницы, лавки и даже ка-

¹ Вырубив сады свои, кто только их имел.

² Оставленный по суду в сильном подозрении в утаении чемодана с 40/т. руб. серебр. утерянного почтой.

менные дома у некоторых, то и положили, сравнивая меликов в правах агаларских, удовлетворить их от правительства вместо земель, единовременным капиталом, взяв в расчет 10-ти летнюю сложность доходов с армянских селений!

Но при поступлении сего мнения в Совет Закавказского Гражданского Управления, было оно большинством голосов присутствующих отвергнуто, а решено, отдать меликам все земли заселенные армянами, на правах агаларских, князь наместник изволил согласиться с сим и представил!

Высочайшее утверждено и выслан затем указ, при приведении оного в исполнение какие были тому последствия означены в начале.

Право переселения и армянам предоставлено; но не взято, вероятно в соображение, что это не татары проживающие в саклях-землянках, а народ промышленный, торговый, ведущий жизнь оседлую, имея сады, лавки и проч. угодья, в поте лица нажитые и трудами рук приобретенные, бросить все это черезчур тяжело и разорительно, лишаясь вместе с тем отличных пажитей, лугов и лесов, оставаясь же на местах, с них будут брать мелики за все вышеозначенные предметы, что захотят, по праву земли владельцев, в леса въезд конечно запретят, наконец, кто усмотрит за всеми мелочными и частными притеснениями крестьян, их жалоб конечно никто не усмотрит!

Это будет лишь глас вопиющий в пустыне!

Введение меликов во владение землями на время предоставлено наместником, но при исполнении оного, нельзя ручаться за спокойствие народное.

Армянские мелики с Шулавер, во избежание несогласий и дальнейших неприятных столкновений с жителями; подали князю наместнику 12-го апреля, просьбу, излагая в оной, что как сады в селениях армянских, есть не отъемлемая собственность крестьян, трудами рук их возделанные с употреблением даже значительных капиталов, то они не считая себя по праву пользоваться 10-ю частью доходов с садов поселян; отказываются от оных, а также и нукеров (прислугу) в натуре, получать не желают, дабы не навести тем на армян мысли о рабстве и не восстановить их против себя, вследствие чего просят выдавать им деньгами из казны за нукеров, по цене какую его светлость назначит!

Просьба сия представляется от его светлости в С. Петербург в Кавказский Комитет на доклад его императорскому величеству.

И прочих селений мелики будут на все согласны, как люди ничтожные и никогда не ожидавшие таких милостей царских!

Многие из них в настоящее время приказчиками в духанах (т. е. в кабаках) и вдруг они делаются владельцами огромных и превосходных земель, со всеми угодьями! например под сел. Шулавер 50/т. десятин земли и это поступает двум фамилиям меликов.

За какие их подвиги? или предков их?

Полковник Щербачев

Документ № 3

Кавказский Комитет
в С. Петербурге
14 октября 1852 года
№ 1778

Его превосходительству
Л. В. Дубельту
Милостивый Государь,
Леонтий Васильевич!

В дополнение к отношению от 11 мая за № 911, препровождая при сем к Вашему превосходительству, для сведения, копию с отъезда г. наместника Кавказского от 5 июля за № 863, в коем он изложил объяснения о причине беспорядков, происшедших в армянском селении Шулаверях, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что это отношение было доложено Кавказскому Комитету в заседании 23 минувшего сентября. Комитет нашел, что беспорядки, случившиеся в с. Шулаверях при распоряжениях к возвращению меликам из армян земель, бывших прежде в их владении, но впоследствии от них отобранных, произошли главнейше от того, что Комиссия, занимавшаяся сим делом на месте, не вникнула достаточно в положение населяющих сии земли армян, различествующее во многом от положения татар, живущих на агаларских землях. Вследствие сего Комитет положил: предоставить наместнику поставить это на вид комиссии, приняв меры, чтобы при дальнейших действиях Комиссии, она непременно обращала особое внимание на различие между армянами и татарами, не допуская таких распоряжений, кои могли бы дать повод к новым беспорядкам и неудовольствиям. Государь император на журнале Комитета Высочайше соизволил написать собственноручно: «Исполнить» О таком положении Комитета я вместе с сим уведомил г. Наместника Кавказского.

Примите, ваше превосходительство, уверение в моем совершенном почтении и преданности.

В. Бутков.

ЦГИА, III отд. I эксп., 1852 г, д. 68, л. 55.

Документ № 4

Копия с отношения наместника Кавказского к Председателю Кавказского Комитета от 5-го июля 1852 года за № 863.

На почтеннейшее отношение Вашей светлости от 11 мая сего года № 911, по предмету поступков Шулаверских жителей при объявлении им высочайшего повеления 8 июня 1851 г. состоявшегося, о вознаграждении меликов из армян, за отобранные у них в 1841 г. деревни, честь имею объяснить следующее:

Вашей светлости известны все обстоятельства дела о применении отношений между жителями некоторых армянских селений бывших татарских дистанций Грузии и армянскими меликами к положению в которое вследствие высочайшей воли поставлены татары тех же дистанций к агаларам. С сими последними дело кончилось скоро и приведено в действие без всякого препятствия. При предположении же о применении агаларского положения к меликам не обращено может быть достаточно внима-

ния на различия проистекающие от образа жизни и обычаев татар и армян. Для первых занимающихся преимущественно скотоводством и имеющих сравнительно незначительное хлебопашество, привыкших при том к кочевой жизни, почему и не устраивают постоянных и прочных жилищ предоставление агаларам в потомственное владение хлебопахатных земель не имело большой важности. Пастбища, которые в надел агаларам не поступили, оставаясь в неограниченном пользовании поселян из татар, предоставили им все средства к сохранению на прежнем основании главной отрасли хозяйства,—скотоводства. Правом же перехода с одного места на другое, татары легко могут воспользоваться, не оставляя нигде прочных следов своего пребывания. Положение армян совершенно другое. Главные занятия их суть: хлебопашество; виноделие и садоводство, дома их устроены прочно и они проживают в них круглый год. Следовательно выгоды, происходящие для татар от предоставления в неограниченное пользование поселян пастбищ не существуют для армян. Правом же перехода с одного места на другое, последние без разорения воспользоваться не могут, а потому личная зависимость от владельца земли делается для них более сщутительною. Сверх того подать, отбываемая владельцам за землю, т. е. десятая часть с урожая всех произведений, у армян гораздо важнее, нежели у татар, так как первые обрабатывают произведения более ценные и хлебопашество их значительнее.

Упущение из виду этого коренного различия между армянами и татарами, в отношении к Шулаверам в особенности сделалось весьма важным. В этом селении в последние годы произошли такие перемены и такое умножение всякого рода промышленности и интересов, что оно более походит на значительное местечко нежели на селение. Я еще в прошлом году имел в виду учредить там местечко и во всяком случае это будет необходимо сделать в скором времени.

Комиссия о наделении агаларов землею, под председательством члена Совета Главного Управления Закавказским краем, действительного статского советника Коцебу выехав на место для приведения в исполнение высочайшего повеления состоявшегося 8-го июня 1851 года, хотя и приступила к делу с надлежащим усердием, но сделала ошибку в том, что не вникнула достаточно в вышеизложенные особенности, отличающие Шулаверы от татарских селений отдаваемых агаларам и не донесла мне об этом в свое время. От этой ошибки, вышел беспорядок, имевший вид сопротивления высшей власти, но в котором, если были прямо виновные, то это одни священники, которые видя, что меликам отдают права и на их сады и на всякого рода имущество, подстрекали народ к жалобам, а так как жалобы в здешнем крае всегда сопровождаются с шумом, то они имели вид сопротивления, хотя такового там ни в каком случае быть не может и не будет. Некоторое число жителей пришло ко мне в Тифлис и хотя с полною покорностью при своей просьбе объявили, что все приказанное будет ими исполнено, я зато только, что они пришли без позволения в большом числе, посадил 8 человек из них в острог. Священников, как более виновных, патриарх всех армян немедленно удалил от своих

приходов, вызвав их в Тифлис, и там их держит. Поселян же, я призвал к себе и объявил им, что некоторые подробности положения Шулавер будут особо рассмотрены, отпустил домой, внушив им строго, что они обязаны исполнять беспрекословно то, что будет о них решено. Теперь те обстоятельства, о которых я упомянул выше, внимательно рассматриваются, а дабы показать в чем селения Большие Шулаверы различаются от обыкновенных агаларских селений, долгом считаю уведомить вашу светлость, что в оном кроме пахатных земель, пастбищ и выгонов состоит виноградных садов 346, мельниц 10, торговых лавок с красными товарами 30, духанов 28 и 1 красильня, что в Шулаверах живут иногородние люди, занимающиеся торговлей, также и помещики, в числе садов и участков земли есть также, которые поселянами куплены у разных лиц и между прочим от самых меликов, есть и такие которые те же мелики купили в разные времена у поселян, все это назначить в одну категорию с обыкновенными агаларскими землями совершенно невозможно, и вот что нужно было комиссии разобрать и донести прежде нежели что либо общего объявить жителям. Сами же мелики это хорошо знали и почувствовали, так что коль скоро дело остановилось они сами от себя мне подали объявление, что чувствуя невозможность сравнивать виноградные сады с обыкновенными землями, они от всяких доходов с садов добровольно отказываются. Теперь как выше сказано, дело это разбирается во всей подробности, и конечно мелики не останутся без справедливого удовлетворения, но как видно из вышеизложенного, есть кроме садов другие статьи на счет коих должно быть сделано особое положение, как равно и о тех жителях не из поселения, которые не могут быть включены в число подвластных меликам на агаларском положении.

Изложив таким образом сущность этого дела и причины неприятной по оному остановки, я не примину по окончании разбора теперь делаемого во всей подробности и в скором времени вашей светлости донести.

Что же касается до того, что татары тех деревень, земли которых отданы агаларам перешли на казенные или частные земли, то я могу удостоверить, что действительно не малое число из них воспользовалось правом свободного перехода с одной земли на другую, причем они постоянно старались селиться на казенных землях, не находя никакой выгоды в переходе, на помещичью землю. О числе семейств, переселившихся на землю грузинских князей, я достоверных сведений не имею и ныне требую доставления мне таковых. Но заранее могу сказать, что таких семейств, если оные есть, должны быть немного, потому, что татары не могут находить никакой выгоды в переселении с одной помещичьей земли на другую. В числе же семейств, переселившихся в последнее время, в Персию или Турцию против такового же прежних лет, большой разницы нет. В заключение считаю нужным присовокупить, что известие будто татары оставляя свои дома вырубая сады совершенно неосновательно, потому уже что татары бывших дистанций Грузии, почти никогда не имеют садов при домах своих.

ЦГИА, III-е отд., I эксп., 1852 г., д. № 68, лл. 57—61.

Документ № 5

Шулаверское волнение в 1852 году

(из воспоминаний очевидца)

В марте 1852 года в бытность мою по делам службы в горных деревнях Борчалинского участка (ныне уезд) я получил там предложение бывшего тогда Директора Канцелярии Наместника Кавказского Щербинина заступить место Уездного Начальника в комиссию о наделении агаларов землями, которая выехала уже в Большие Шулавери по делу о наделении тамошних меликов землями.

Так как ничего об этом не было мне известно прежде до выезда моего из Тифлиса о каком то наделении меликов землями, я приостановил все те дела в горных деревнях до следующего приезда и поспешил в Шулавери, в резиденцию участкового заседателя. Участковый заседатель Вакуловский объявил мне, что комиссия, т. е. председатель ее член Совета Наместника Кавказского и управляющий тогда почтовою частью на Кавказе Федор Евстафьевич Коцебу (брат бывшего тогда Начальника Главного Штаба Кавказской Армии в последствии Наместника Царства Польского Павла Евстафьевича Коцебу) с членами приехали вдруг в Шулавери и расположились в саду в палатке и что жители крайне возбуждены и волнуются, не хотят повиноваться никаким распоряжениям комиссии, покушаются даже на жизнь мелика Калантарова и пр. и проч.

Это меня крайне поразило; зная шулаверцев как людей которые были всегда мирными, послушными и преданными, я тотчас бросился в сад узнать в чем дело и явился к председателю Коцебу, которого раньше знал в Тифлисе и доложил о полученном мною предписании Директора Канцелярии и просил дальнейшего распоряжения. «Я с нетерпением ждал Вас, сказал мне Федор Евстафьевич. Вас назначили в Комиссию по моей просьбе, потому что Вы лучше можете помочь делу. Дело в том, что надо объявить шулаверским жителям Высочайшую волю о Всемилостивейшем пожаловании шулаверским меликам Калантаровым и Саркисовым земель сел. Шулавери и что народ чрезвычайно волнуется против меликов и что я боюсь, чтобы не случилось кровопролития». «Не беспокойтесь Ваше Превосходительство, сказал я, ручаюсь, что никакого кровопролития не будет, но меня удивляет это волнение, которое я застал здесь и что я по обязанности моей должен узнать подробно причину волнения и кто это подстрекает, почему такая внезапная вспышка в шулаверском населении, которое всегда отличалось спокойствием, послушанием и уважением Начальства».

По предложению Коцебу, надо было вызвать 24 чел. для объявления упомянутого Высочайшего повеления и только я пошел в участковое Управление, где жители, как только узнали о моем приезде, собрались во множестве и мужчины и женщины и заявили мне, что они все издревле были казенными крестьянами, принадлежали Царевичу Александру брату грузинского царя Георгия и никогда помещичьими не бывали, что те-

перь обращают их в крестьян меликов, которые никогда не были их помещиками, что эти мелики якобы грозили им в особенности женщинам разными тяжкими налогами и поборами и крестьянскими работами. Женщины в особенности кричали обращаясь ко мне: «Ага! (барин) неужели нас хотят сделать «чурть» (крепостными)». Это их чрезвычайно возмутило. «Не верьте никому, объявил им громогласно по армянски, никто не смеет сделать Вас помещичьими крестьянами, лгут Ваши мелики; вот я их отделаю, чтобы они не смели распространять между вами такие глупости; вы меня давно знаете, ваши дела всегда получали удовлетворения и теперь тоже, видите, я у вас здесь; успокойтесь, ничего дурного с вами не будет. Приехали чиновники что за беда, разве и прежде вы не видали чиновников? чего же вы испугались? ведь вы знаете, что они без меня, как местного Начальника ничего не сделают. Подождите, я сам ничего не знал, только приехал; будьте спокойны. Вы знаете хорошо, я ваш Начальник, пока я не объявлю вам в чем дело, вы никому не верьте, успокойтесь!...» «Мы Вам верим, ага! закричали все; но зачем же Калантаров грозит нам да ругается». Само собой разумеется, что завистники и злонамеренные люди тайком подстрекали шулаверцев против меликов, распространяя между ними превратные толки. Я тут же приказал, позвать ко мне тамошних меликов из коих в особенности Ахвердия Калантарова, по словам жителей, якобы грозил им разными налогами взысканиями и жестокостями. Я его распек при них сильно, чтобы он не смел рассказывать глупости, не говорил бы о каких то землях и чтобы он не толкался между жителями и не волновал их. Хотя он оправдывался, хотя я верил ему, но чтоб успокоить жителей сказал ему, что я скорее верю им чем ему. Все это чрезвычайно успокоило толпу, они уверились, что если это была правда, то я не посмел бы распечь Ахвердия. Они более не шумели и разошлись смирно. Однако нельзя было оставить все это без внимания, хорошо понимая, какая ответственность лежала на мне, для предупреждения беспорядков, которые могли быть вызваны от дурных толков и волнения толпы; по этому я тогда же секретно распорядился вызвать немедленно из ближайших деревень несколько татар и агаларов и знаменитого тогда Дештамура агу, с которым все шулаверцы были хорошо знакомы и дружны и которые в свою очередь могли их успокоить. Ахвердия Калантаров сказал мне, что он вовсе не обиделся тем, что я распек его при толпе, что он хорошо понял, что иначе я не мог поступить с ним, чтобы успокоить раздраженную толпу; ему было известно, что я его уважал и знал давно как очень хорошего человека. Все члены комиссии заняли большой каменный дом в саду в верхней части Шулаверн.

Вызванные мною на следующий день 24 человека почетных жителей по указанию участкового заседателя расположились во дворе перед балконом того дома, но толпа мужчин и женщин окружала их, в ожидании появления господ членов комиссии. Шум, крик в особенности женщин старух с обвязанными на голове огромными платками по татарски все усиливались. Я бросался то в одну, то в другую стороны успокаивать их и уве-

рять, что они по напрасно тревожатся; женщины кричали больше «неужели нас делают «чурть» (крепостными крестьянами) Ахвердия?».

Не правда, он врет, равно и другие врут кто это вам сказал, вы всегда были казенными и будете всегда казенными, не беспокойтесь, повторял им громко. «Я ручаюсь и объявляю как местный ваш Начальник, понимаете? Никто не смеет сделать вас «чурть», толпа успокоилась, почетные в свою очередь увещевали не шуметь... Затем я зашел в залу, где ожидали мент председатель и другие члены и на вопрос Коцебу, я уверял его что, не смотря на крик и шум нет никакой опасности и никто не посмеет сделать что либо неприличное. Участковый заседатель наблюдал за порядком, чтобы эта масса простого народа не толкалась бы по сторонам так как их поставили. Вызванные мною агалары Дештамур ага и татары были тут же, кричали толпе, чтобы не шумели, а слушались только меня как Начальника и никого более. Председатель Коцебу и члены вышли из залы в мундирах на балкон пред которым стояли почетные жители. Я закричал шапки долой! и все сняли папахи. Водворилось глубокое молчание, тут женщины посмелее и постарше протолкались к своим почетным, чтобы и им самим по ближе выслушать Высочайшую волю объявляемую по приказанию Князя Наместника Кавказского Воронцова. Коцебу прочел Высочайшее повеление о Всемилостивейшем пожаловании шулаверским меликам Калантаровым и Саркисовым земель в Шулавери и о взаимных отношениях поселян живущих на этих землях к меликам. Все выслушали со вниманием, не нарушая благочиния. По окончании чтения почетные жители обратились к председателю Коцебу с просьбой дозволить им обратиться к Наместнику кн. Воронцову с прошением, по изъявлении Коцебу на то согласия, все те жители поклонились и разошлись по домам, хотя по дороге, все таки продолжали понемногу шуметь. Таким образом не случилось ничего такого, которое тревожило членов комиссии и смущало население неизвестно по чьим наговорам и подстрекательствам. Затем немедленно Коцебу открыл заседание Комиссии по объявлению шулаверским жителям сказанного Высочайшего повеления; но во время заседания тамошний армяно-григорьянский священник явился туда и заявил, что там есть армянские церкви, церковные лавки, его земли и мельница, и просил разъяснить ему в каком отношении он по этому имению должен находиться к меликам. Но как об этом в Высочайшем повелении ничего не было сказано, то Коцебу объявил священнику, что об этом будет доложено Наместнику и будет за тем священнику объявлено. Казалось бы, что все кончилось благополучно, чему был очень рад Коцебу, но не тут то было.

На другой день 12 марта еще до рассвета толпа шулаверских жителей мужчин и женщин направилась в Тифлис для подачи жалобы кн. Воронцову. Другая масса шла на рассвете вслед за первую; по этому я бросился в догонку, стараясь остановить их в особенности женщин, убеждая и внушая, что это будет неприятно Начальству, что гораздо лучше избрать поверенных для подачи жалобы, обо всем чего они желают; но никакия убеждения и внушения без строгих мер и воинской команды не могли остановить шулаверцев, большая часть коих находилась уже далеко

на пути к Тифлису. Они кричали, что не могут успокоиться до того времени, пока об этом Высочайшем повелении не будет объявлено и разъяснено им в Тифлисе. В виду чрезвычайного раздражения толпы в особенности женщин, которые вообразили, что будто им не позволяют жаловаться. На полях шулаверских, где кроме них никого не было на рассвете и очутившись среди более спокойных почтенных жителей окруживших мою лошадь, я вместе с заседателем Вакуловским не могли уже ехать дальше, они упрашивали меня вернуться назад и не мешать раздраженной толпе идти в Тифлис, заявляя при этом, что она не слушает никого и не остановится, другие же начали бегом стремиться вперед с шумом, чтобы их не остановили, по этому мы с заседателем Вакуловским вернулись назад в Шулаверн, и я доложил немедленно обо всем г. Председателю Коцебу и в то же время отправил с нарочным донесение в Тифлис ближайшим путем через Коджоры об этом происшествии в Шулаверах, чтобы предупредить губернатора о появлении в Тифлисе такой массы мужчин и женщин мирных и спокойных во всем уезде шулаверских жителей, о чем в Тифлисе ничего еще не было известно. Донесение Коцебу отправил я с тем же нарочным. Меня удивляла эта несообразительность со стороны Начальства, что упомянутая агаларская комиссия, не сообщив об этом ничего предварительно местному Уездному Начальнику, не давая знать даже участковому заседателю для приготовления квартиры, отправилась не изначай вдруг в многолюдную деревню Большие Шулаверы, объявлять торжественно в мундирах народу о Высочайшем повелении, которое ставило жителей в зависимость у меликов и лишало права свободно распоряжаться своими землями и садами. Если на обязанности Комиссии лежало объявление того повеления только 24 чел. жителям Шулавера, то гораздо было легче приехать ей на Кодинскую почтовую станцию находившуюся по середине почти между Тифлисом и Шулаверн, на расстоянии 30 верст от своих пунктов, вызвать туда тех же шулаверцев и объявить им и только, не возбуждая всего народонаселения до крайнего раздражения, обошлось бы все благополучно, а жители могли жаловаться сколько угодно как и было сделано после. На это мое замечание Председатель Коцебу ответил, что так было приказано и что никто не мог это предвидеть. Между тем шулаверские жители пришли в Тифлис, сделав пешком почти 60 верст и заняли всю почти площадь перед дворцом Наместника. Огромное число женщин в белых чадрах стояло там в ожидании появления их поверенных от кн. Воронцова, чтобы узнать как разрешится их прошение. Тифлисские жители, между коими много было и знакомых шулаверцам и родственников, толпами шли смотреть, на эту никогда не бывавшую прежде в Тифлисе массу просителей и просительниц.

Князя Воронцова чрезвычайно это удивило, ему было до крайности неприятно видеть это огромное число недовольных его распоряжением, тогда как во все время его Управления на Кавказе он старался о популярности в народе, а тут выходило как раз напротив, перед ним была масса недовольных. Поверенные шулаверцев доложили жалобу. Директор Щербинин объяснил дело, тут окружавшие князя в зале в свите князь

Ираклий Грузинский и командир грузинского полка князь Илья Орбелиани и другие заявляли удивление откуда взяли шулаверских меликов, когда Шулавери это громадное имение с садами, когда принадлежало Царевичу Александру, тут князь Ираклий и Орбелиани говорили окружавшим, что если из казны дают кому либо Шулавери, то скорее следует дать Ираклию Грузинскому, как Наследнику царевича Александра, который из-за Шулавери посорился с братом своим царем Георгием. Военный губернатор кн. Андроников разъяснил в том же роде.

Князя Воронцова чрезвычайно огорчило, что он введен был в ошибку неправильными докладами и ходатайством, по которым он испросил Высочайшее повеление и в одно время огорчение дошло до того, что, как тогда потихонько говорили что чуть было не вознамерился донести об этом Государю Императору для отмены повеления. Разумеется это было очень неприятно Князю Наместнику. Он обнадежил шулаверских поверенных, что он лично рассматривает дело и чтоб они успокоились и пошли к своим объявить об ответе князя, затем он со свитою вышел на балкон, поклонился массе шулаверцев, те кричали в особенности женщины в белых чадрах, вознося руки к небу, призывая благословение божье на князя; князь сделал им знак рукой и поклон и вошел в залу. Люди выехали уже из Тифлиса более спокойно. Когда я ехал из Шулавера назад в Тифлис, то они встречались по дороге и, останавливаясь и кланяясь, рассказывали с восхищением об ответе князя Воронцова, что они знают теперь, что они не будут «чурть», кричали и благодарили меня, что моими разъяснениями и толкованиями изволил их от большого несчастья, в которое толкали их подстрекатели и недоброжелатели.

Как только приехал на Кюдинскую почтовую станцию, то вышел ко мне навстречу упомянутый выше командир грузинского полка кн. Илья Орбелиани, который из Тифлиса возвращался в свой полк на Белый ключ и который был свидетелем всей той сцены шулаверцев в Тифлисе. Так как мы давно были хорошо знакомы, то он после приветствованных слов, сказал мне, со смехом, что большую суматоху наделали шулаверцы у князя Наместника, что князь очень озабочен, что князь Ираклий Грузинский кричит больше всех, что это имение его отца царевича Александра, у которого отобрал его брат царь Георгий с которым отец его из-за Шулавер ссорились и проч. и проч. «Вы все окружающие князя Воронцова виноваты» сказал я ему, «разве вы не знали, что такое Шулаверы, разве не могли объяснить, мало ли кому жалуют земли что за необходимость было комиссии отправиться туда и то невзначай, с какой торжественностью только для того, чтобы объявить в мундирах Высочайшее повеление и тем взволновать казенных крестьян мирных и простых сельских жителей, которые знают что всегда местный участковый Заседатель или Уездный Начальник объявляли и объявляют им и Высочайшие повеления и указы, как и установлено по закону, без мундиров, а теперь что за исключение было; вот это то напрасно возмутило мирных жителей.

Я приехал в Тифлис, явился к Губернатору. Он тоже самое повторил и приказал, чтобы я на завтра явился к Директору Канцелярии Щерби-

нину, который представит меня князю по Шулаверскому делу. Упомянутою агаларскою комиссию было уже донесено князю и испрашивались разрешения как поступить с землями занятыми в Шулавери под церковною оградю, под домами садами и полями приходских священников, которые до того времени пользовались ими по праву казенных поселян! На другой день Щербинин повел меня в кабинет князя, который принял меня с улыбкою благосклонно. На вопрос его я доложил, что не приведено было в известность сколько именно пахатных земель в Шулаверах, что там есть лавки, сады, мельницы, из коих несколько принадлежали армянской церкви, священнику и другим частным лицам и что сад Александра Царевича куплен был Тифлисским гражданином Макаловым на публичных торгах и что есть горные пастбищные места, которых пространство также не было приведено в известность, затем на вопрос князя доложил ему подробности волнений шулаверских жителей, причиною которого частью было то, что будто их обращают в крепостных людей, но что там теперь спокойно.

Надо успокоить жителей, сказал князь, я бы желал, чтобы были довольны как они так и мелики, для которых испрошено Высочайшее повеление, как Вы думаете? Можно постараться помирить их Ваша Светлость, после приведения в известность всех земель и угодий ответил я. В таком случае Вы сами займитесь этим и доложите». Слушаюсь, Ваша Светлость, сказал я и поклонившись вышел из кабинета. При этом находился и состоявший при нем Управляющий тогда медицинскою частию на Кавказе д. с. с. Андриевский. Щербинин вышел также из кабинета и сказал мне, что я получу предписание отправиться в Шулавери и заняться этим делом, которое весьма интересовало князя и постараться свести миролюбиво поселян с меликами.

В след за сим в предписании от 16 апреля 1852 года за № 5240 Тифлисский военный губернатор дал мне знать, что кн. Наместник поручает мне немедленно собрать и представить к его Светлости сведения. 1) Чем пользовались помянутые мелики в сел. Шулаверах до составления об них и агаларах положения генерала Ермолова. 2) Сколько там садов принадлежащих тамошним казенным крестьянам и сколько частным лицам. 3) Какое именно пространство земли находится в пользовании тамошних казенных крестьян и священников, определив по возможности количество хлебопахатных полей. 4) Какими землями и угодиями пользовались в то время помянутые Калантаровы и мелик Саркисовы в сел. Шулаверах?

По приезде в Шулавери, я застал жителей более спокойными, а тамошних меликов в недоумении. Из собранных на месте при личном присутствии самих меликов, священника и жителей оказалось, что 1) сел. Большие Шулавери делится на две части на верхнюю Карамурадскую мелик Калантаровых и на нижнюю Загамскую мелик Саркисовых. Эти мелики по определению бывшей казенной экспедиции Верховного Грузинского Правительства (что ныне Казенная Палата) были признаны Волостными головами, они в 1810 и 1813 годах пользовались от тамошних жителей доходами: именно, каждый плуг один день должен был пахать и

каждый житель один день жать; давали подводы и при совершении браков женившийся давал, смотря по состоянию, от 3 до 10 рублей; 2) всех садов принадлежащих тамошним сельским жителям Казенным крестьянам было 328, частным лицам 10, Армянскому священнику 4; 3) хлебопахатных полей на 2606 дней паханья, из коих 1200 дней паханья в пользовании жителей Карамурадской части Калантарова, а 1100 дней Загамской части мелик Саркисова, на 20 дней священника Тер-Вартана, у Калантаровых было 200 дней паханья, а у Саркисовых на 86 дней паханья; всех же земель удобных неудобных по измерению Корпуса Топографов полковника Петрова простиралось до 5937,5 десятин; 4) кроме той земли у Калантаровых было два сада, 1 садовое место, 4 мукомольной мельницы, 2 лавки; а у Саркисовых 1 мельница, 2 сада и 1 лавка.

Таким образом обнаружилось, что в селении Шулавери не было ни обширных хлебопахатных земель и садов и ни больших угодий, о чем кричали в Тифлисе. Но так как собрание этих сведений для доклада князю Наместнику ставило как жителей, так и меликов в недоумение и тревожило их, то они чрезвычайно интересовались узнать причину на какой конец нужны были эти сведения. Между тем, зная о толках в Тифлисе и огорчения князя Воронцова по этому делу Калантаров и Саркисов опасались не очень хороших для себя результатов; жители же с своей стороны недоумевали, полагая, что козь скоро состоялось Высочайшее повеление, им объявленное с такою торжественностью, то трудно было его отменить.

Так как по этому обе стороны обратились ко мне за советами, то я предложил им единственным средством для благополучного для них окончания дела не доводить его до крайности и уступить какнибудь друг другу. Мелики боялись Тифлиских крикунов, настроивших против них князя Наместника и потому я советовал им отказаться от крестьянских садов и угодий от некоторой части и даже половины хлебопахатных полей и довольствоваться остальною их половиною; они согласились; затем обратился отдельно к крестьянам и после многих толкований и убеждений согласились и они, после сего составили при мне и Участковом заседателе подробную в том сказку обоюдного согласия, которую подписали мелики, священник, старшина и все выборные от жителей. Эту сказку о соглашении жителей с меликами я взял с собой в Тифлис и представил князю Воронцову. Он прочитал ее, выслушал мои объяснения на его вопросы, остался очень доволен; таким образом волнение шулаверских жителей, чуть было не доведшее их до несчастий, кончилось тогда миролюбиво спокойно, но впоследствии это соглашение, как рассказывали, расстроилось, но тогда меня уже не было в уезде.

Л. И.